

отправляет епископа к Данилу с донесением, Василько по приказу Бурандая разоряет Кременец и Луцк).

В. Т. Пашуто убедительно, на ряде примеров, показал, что владимирский летописец, переписывая летопись своего предшественника, иногда вносил в нее свои дополнения с целью подчеркнуть роль Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси.¹¹ Но ведь отсюда еще отнюдь не следует, что все или почти все упоминания о князе Васильке в тексте летописи Данила Галицкого принадлежат перу ее владимирского редактора.

По мнению В. Т. Пашуто, предполагаемая им «летопись Василька Романовича» заканчивалась сообщением о смерти князя Василька: «Преставися благоверный князь и христоробивый великий Володимерьский, именовем Василко» (стр. 574). И это утверждение В. Т. Пашуто не подкреплено решительно никакими доказательствами. Видимо, оно исходит из предположения, совсем не самоочевидного, что в древней Руси каждый князь вел свою местную летопись: со смертью князя летопись завершалась, с восшествием на стол другого князя, его преемника, начиналась новая летопись.

В. Т. Пашуто несомненно прав, когда утверждает, что текст, где излагается начало княжения во Владимире-Волынском Мстислава Даниловича (стр. 610—616), принадлежит тому же автору, который составил весь предшествующий текст (историю княжения Владимира Васильковича). Нет, действительно, никаких оснований этот коротенький текст (6 страниц по изданию 1871 г.) рассматривать как произведение нового автора, как новый этап волынского летописания: конструктивно и стилистически они однотипны.

Решительное возражение вызывает только попытка В. Т. Пашуто рассматривать этот текст как «отрывок» якобы существовавшей особой «летописи Мстислава Даниловича». Об утрате конца этой летописи, полагает В. Т. Пашуто, свидетельствует «последнее известие ее, касающееся пинских и степанских князей».¹² Известие это составляют два кратких некролога — Юрия Владимировича пинского и Ивана Глебовича степанского. Оба некролога составлены в характерной для Волынской летописи манере и, на мой взгляд, «об утрате конца текста» сами по себе не свидетельствуют и не могут свидетельствовать: с равным правом можно предположить, что летописец именно здесь по неизвестным нам причинам оборвал свое изложение.

Текст «летописи Мстислава Даниловича», полагает В. Т. Пашуто, не дошел до нас в своем первоначальном виде: он «пострадал от последующей переработки», он перебит «вставками», носит «явные следы перегруппировки».¹³ Не вижу оснований для такого рода утверждений: они отнюдь не подтверждаются текстом.

По мнению В. Т. Пашуто, сообщение о вокняжении Мстислава Даниловича («Князь же Мьстислав седе на столе брата своего Володимера, на самый великий день, месяца априля в 10 день...») стоит «не на месте»: место этого сообщения — в самом начале «летописи», а читается оно ниже — после рассказа о «кормоле» берестян (стр. 613). Не вижу причин предполагать здесь непременно перестановку. Все на месте, с моей точки зрения. В дошедшем до нас тексте предполагаемая В. Т. Пашуто «летопись Мстислава Даниловича» начинается с сообщения о том, что Мстислав несколько запоздал и прибыл во Владимир, когда гроб покой-

¹¹ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 105—109.

¹² В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 102.

¹³ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 130—132.